

Декоративно-прикладное величие

КУНСТКАМЕРА В ВЕНЕ

Сергей Ходнев

Михель Эрхарт / Йорг Сирлин Старший. «Аллегория бренности». Дерево, полихромия. 1470-е годы. Аллегорическая композиция, изображающая девушку, юношу и отталкивающего вида старуху, считается одним из лучших образцов полихромной скульптуры XV века к северу от Альп. Несмотря на ее позднеготический характер, «Аллегория бренности» многое роднит с работами центральных живописцев германского Возрождения

Антонио Росселино. «Мадонна с Младенцем». Мрамор. Флоренция, 1465–1470 годы. Рельеф, отмеченный изумительной моделировкой лиц, предвосхищает дальнейшие достижения итальянской ренессансной скульптуры. Это самое эффектное среди представленных в кунсткамере произведений итальянского Кватроченто, где есть также работы Андреа Мантеньи и мастеров из семьи делла Робиа

Ганс Якоб Бахманн. Настольный автоматон «Кентавр и Диана». Серебро, позолота, жемчуг, гранаты, черное дерево. Инсбрук, 1598–1600 годы. Типичная для позднего Ренессанса механическая диковина: композиция «ездит» по столу, при этом кентавр вращает глазами и стреляет из лука, Диана жестикулирует, собаки лают. Прагматическое назначение — служить настольными часами — отходит на второй план

Маттиас Штайнль. «Леопольд I — победитель турок». Слоновая кость. Вена, 1690–1693 годы. Император Леопольд I, талантливый композитор, покровительствовал и другим искусствам — в частности, сделал Вену европейским центром резьбы по слоновой кости. Виртуозная композиция Штайнля посвящена одному из важнейших исторических событий, победе над турками под Веной

Неизвестный автор. «Персонажи комедии дель арте». Стальная проволока, стекло, эмаль. Мурано (?), последняя четверть XVI века. Искусство создания миниатюрных фигурок из стекла, сейчас кажущееся набившим оскомину туристическим ремеслом, в XVI веке было серьезной новацией. Благодаря тонкости работы заметно, что гротескные стеклянные персонажи напоминают аналогичные «маски» из более поздних знаменитых гравюрных циклов Жака Калло

«ПУСТЬ другие ведут войны — ты же, счастливая Австрия, заключай браки» — таков был общеизвестный девиз, описывающий суть политики Габсбургов. Не за век, конечно, и не за два, но упорная целеустремленность брачной дипломатии действительно принесла свои плоды, и некогда скромные феодалы швейцарского происхождения превратились в великую и могущественную династию, которая даже на вершине могущества продолжала закреплять политические альянсы, иногда менявшие судьбы Европы, свадьбами. Но у Габсбургов было и еще одно хобби помимо неустанного плетения матримониальных планов. На протяжении столетий они оставались рьяными коллекционерами. Сейчас это не кажется такой уж редкостью для владельцев особ — мало ли какие были коронованные собиратели прекрасного, вон Карл I Английский тоже сколотил, не считаясь с затратами, баснословную коллекцию живописи, да хотя бы нашу Екатерину II с ее Эрмитажем можно вспомнить. Но суть в том, что коллекционерская мания европейских монархов, во-первых, часто была подражательной, потому что Габсбурги стали задавать тон в собирательстве еще в XVI веке. А во-вторых, габсбургские коллекции — это не только и не столько собрания живописи, скульптуры и так далее в привычном для нас виде. В XVI–XVII веках императоры и эрцгерцоги из «австрийского дома» ставили перед собой довольно специфические коллекционерские задачи, что куда как заметно по вновь открывшейся после десятилетнего перерыва экспозиции их сокровищ — венской Кунсткамере. Само слово «кунсткамера», собственно, означает всего-то «палата искусств»; полный вариант, правда, был «Kunst- und Wunderkammer», «палата искусств и чудес», и вдобавок нам, знающим в первую очередь петровскую кунсткамеру (которая на самом деле, конечно, типичная «вундеркамера»), за этим словом мерещатся не столько произведения искусства, сколько заспиртованные уродцы, чучела экзотических тварей и костюмы туземцев. В типичной кунсткамере эпохи Ренессанса и раннего барокко все это было, но только цели у собирания всех этих странных предметов были другие, не одни только любознательность, развлекательность и просвещение. Это должно было быть отображение Космоса, упорядоченное по канонам гуманистической эрудиции представление бытия во всем его разнообразии. Не просто набор редкостей, но такой набор, где каждая редкость получает место в строго выстроенной энциклопедической системе. Обычно при этом возникало пять разделов: *mirabilia*, то есть чудеса (вот тут как раз и бывали двухголовые младенцы и чучела василиска), *naturalia* (естественнонаучные экспонаты — редкие минералы, например), *exotica* (страусовые яйца, кокосовые орехи, изделия американских индейцев и так далее), *scientifica* (научный инструментарий) и *artificialia* (то есть редкие и драгоценные изделия рук человеческих).